

Ровно в восемь вечера Цяо Е открыл дверь лаборатории.

Внутри ярко горел свет. Пэй Цзюэ уже был на месте: белый халат сидел безукоризненно, а сам он придвигал новую маркерную доску к двум сдвинутым столам. Наверху доски было написано четыре иероглифа: «Структура обзора».

Цяо Е бросил куртку на спинку стула:

— Серьёзно подготовился.

— Целая коробка литературы. Две недели. — Пэй Цзюэ снял колпачок с маркера. — Без подготовки не закончим.

В первый же вечер они разругались вдрызг.

Пэй Цзюэ несколькими быстрыми линиями нарисовал на доске пирамиду:

— Сначала строим структуру: четыре крупных блока по механизмам, потом заполняем литературой.

— Я тебе говорю, так не сработает. — Цяо Е вытащил из коробки статью и ткнул пальцем в данные. — Эту линию надо выедать из первичных данных, статью за статьёй, и выращивать по хронологии. Структура должна сама вырасти. А у тебя она нарисована заранее.

— По твоему методу, — всё так же неторопливо ответил Пэй Цзюэ, — двадцать тысяч статей мы будем выедать до выпуска. Это называется читать литературу дикарским способом.

— А у тебя конвейер для книжных червей!

— Конвейер выпускает стандартные детали. — Пэй Цзюэ чуть поднял подбородок. — А твой способ выращивает кривое дерево.

— И что с того, что кривое? Зато плоды сладкие. — Цяо Е не уступил ни шага. — А твои стандартные детали потом лежат на полке и пылятся.

Этот спор начался в первый вечер и продолжался до третьего.

На третий вечер Цяо Е с грохотом шлёпнул стопку статей на стол перед Пэй Цзюэ так, что подпрыгнул стакан с ручками. У двери старшая Ло, собиравшаяся войти с чашкой Петри в руках, остановилась, бесшумно отступила назад и заодно прикрыла дверь.

Почти в тот же момент в групповом чате посыпались сообщения: «Новенькие опять сцепились. Уже третий раз за вечер, теперь по столу бьют». «Может, разнять?» «Не надо. Господин Цинь сказал оставить их».

Никто не пошёл разнимать. Они спорили с восьми вечера до половины двенадцатого. Доска заполнялась, стиралась и снова заполнялась. В конце концов Цяо Е устался на неё и внезапно замолчал.

Каркас, который выстроил Пэй Цзюэ, и хронологическая линия, которую выкопал он сам, каждый были правы наполовину.

— ...Кости берём твои, — Цяо Е зажал маркер зубами и произнёс невнятно. — А мясо наращиваем по моей хронологии.

Пэй Цзюэ полминуты смотрел на доску, затем протянул руку и соединил линии с обеих сторон.

— Договорились.

На следующее утро первым пришёл один из старших студентов. Он пять минут стоял перед доской, затем достал телефон, сфотографировал и отправил в общий чат с подписью из четырёх иероглифов: «Битва небожителей».

Старшая Ло ответила:

«Это вы называете дракой? Они ребёнка в драке родили».

Цяо Е увидел сообщение как раз во время питья и чуть не захлебнулся.

На пятничном докладе Цинь Фан сидел внизу и от начала до конца не сказал ни слова. Когда они закончили, он поднял чашку чая, на мгновение задержался и произнёс всего пять иероглифов:

— На следующей неделе — в эксперимент.

После собрания старшая Ло таинственно оттащила Цяо Е в сторону:

— Вы хоть понимаете, сколько весят эти пять иероглифов? За десять лет я слышала такое от старика только однажды. Тот человек, кому он сказал это в прошлый раз, сейчас заведующий отделением в столице.

На третий день после сдачи обзора эксперимент официально стартовал. Ссоры сменили поле

боя, но их частота ничуть не уменьшилась.

Можно было спорить о порядке взятия образцов, о формате записей, даже о том, чьи пробирки первыми пойдут в центрифугу. Но странность была в другом: сколько бы они ни ругались, работа летела с пугающей скоростью. То, на что другие группы тратили месяц предварительных экспериментов, они прогнали за десять дней — первый цикл полностью, и данные были настолько чистыми, что придаться не к чему.

На групповом собрании старшая Ло распределяла задачи и вдруг само собой вырвалось:

— Предварительную обработку образцов тогда отдаём... дуэту «Цзюэ-Е».

Вся группа замолчала на три секунды, а затем дружно закивала, будто это название существовало всегда и только ждало, когда его наконец произнесут.

Слова «дуэт Цзюэ-Е» за три дня вышли за пределы лаборатории. Дачжуан услышал их вечером и покатился по кровати от смеха:

— Цзюэ-Е! Вот это да! Брат Е, вас уже официально скрепили печатью!

Цяо Е швырнул в него подушкой; кончики ушей горели. Чего он не сказал вслух: название ему, оказывается, совсем не неприятно.

Дни стали двигаться вперёд клеточка за клеточкой.

Рабочее место Пэй Цзюэ всегда оставалось без единой пылинки: статьи по номерам, ручки по длине. На столе Цяо Е будто недавно произошёл небольшой взрыв, но он с закрытыми глазами мог вытащить нужный лист из третьего слоя бумажной кучи. Пэй Цзюэ однажды не выдержал и потянулся всё разложить, но Цяо Е хлопнул его по руке:

— Я сам знаю свой бардак, не трогай. Передвинешь — потом ничего не найду.

Пэй Цзюэ убрал руку. С тех пор делал только одно: каждый день молча сдвигал на три сантиметра обратно ту ручку Цяо Е, которая переползала через границу на его стол.

Перед каждым входом в эксперимент в перчатках Пэй Цзюэ снимал старые серебряные часы, расстилал кусочек бархатной ткани и клал их в левый верхний угол стола — всегда ровно в одном месте, ни миллиметром в сторону. Цяо Е неделю смотрел и ни о чём не спрашивал. Однажды Пэй Цзюэ торопился в стерильную комнату, и Цяо Е машинально первым разложил бархат на привычном месте.

Рука Пэй Цзюэ, снимавшая часы, на мгновение остановилась. Он ничего не сказал и положил

часы на ткань.

Цяо Е три дня подряд срывал голос, перепроверяя данные вслух, и окончательно охрип. На четвёртое утро открыл свой ящик — внутри лежала новая пластинка лакричных таблеток.

Никто не признался, откуда она взялась.

Цяо Е положил таблетку в рот и покосился в сторону. Человек рядом смотрел в монитор, не поднимая головы, но край уха у него будто стал на полтона краснее обычного.

Цяо Е перекатил сладость за щеку и не стал разоблачать. Некоторые долги он теперь записывал молча — в особую книгу внутри сердца, которую никому не показывал. Туда же, на ту же страницу, где хранилась пачка лакричных таблеток с дождливого вечера, которую он до сих пор не решался открыть. Страница быстро заполнялась, и что делать, когда места совсем не останется, Цяо Е старался не думать.

Когда они заказывали еду на ночные смены, Цяо Е перечислял заведения как справочник:

— В это время у восточных ворот только у старика Чжана быстро готовят — двенадцать минут. В кашной лавке двадцать пять, столько ждать нельзя. Жареное мясо не берите: после восьми они режут одни обрезки.

Один из старших студентов ошеломлённо уставился на него:

— Ты даже время приготовления у них наизусть знаешь?

— Профессиональная подготовка, — Цяо Е невозмутимо прикусил палочки.

Вся лаборатория рассмеялась. Только Пэй Цзюэ, опустив глаза к еде, не улыбнулся.

Из чего выросла эта «профессиональная подготовка», в комнате видел своими глазами только он один. В ту дождливую ночь под лампой у входа — человек в насквозь промокшем пластиковом дождевике.

Пэй Цзюэ съел ещё пару ложек и как бы между прочим сказал:

— У старика Чжана в следующий раз возьми ещё маринованное яйцо.

— Зачем? — насторожился Цяо Е.

— Готовят на две минуты дольше, — невозмутимо ответил Пэй Цзюэ. — Как раз успеешь

проверить данные.

Цяо Е с сомнением послушался. Позже только сообразил: с яйцом или без яйца заказ всё равно готовился двенадцать минут. Но с тех пор это маринованное яйцо каждый раз неизменно оказывалось в его порции.

Люди в группе окончательно привыкли к ним. Никто больше не пытался мирить. Наоборот, громкость споров стала своеобразным прогнозом. Старшая Ло проходила мимо с кофе, слышала внутри удар ладони по столу и даже шага не замедляла:

— Третий раунд уже. Всё нормально, сегодня данные точно получают.

В пятницу вечером Цинь Фану позвонили.

Чем дольше старик слушал, тем мрачнее становилось его лицо. Закончив разговор, он собрал всю группу. Голос был тихим, но каждое слово весило тяжело:

— Партия клинических образцов из больницы-партнёра пришла раньше срока. Окно жизнеспособности — сорок восемь часов. В понедельник утром предварительные данные должны лежать на столе у партнёров.

Он сделал паузу и посмотрел на два сдвинутых стола в глубине лаборатории.

— В эти выходные свет здесь не гасим. Дуэт «Цзюэ-Е» остаётся и ведёт основные измерения. Остальные работают посменно.

Когда опустилась ночь, на всём этаже горели только белые лампы лаборатории. Центрифуга гудела, индикаторы приборов мигали в сумерках.

Цяо Е допил первую за вечер банку кофе, поднял глаза и увидел в оконном стекле два отражения — своё и Пэй Цзюэ, стоящих рядом.

Он размял шею, смял пустую банку и бросил в урну.

Эта ночь обещала быть очень долгой.

<http://bllate.org/book/21871/2271028>